

Александр Сенкевич

ЧЕЛОВЕК, ОТКРЫВШИЙ БУДДУ

Февраль 1887 года стал особенным моментом жизни для семидесятилетнего шотландца Александра Каннингема, бывшего чиновника колониальной администрации в Индии, известного и удачливого археолога. В Лондоне из рук самой королевы Виктории он должен был получить престижную награду — орден Индийской империи степени рыцарь-командор и возведен при этом в рыцарское достоинство.

Почему появился такой орден, понятно. Королева Виктория стала с 1 мая 1876 года императрицей Индии, а в январе 1877 году ее статус подтвердил Делийский дарбар — полномочное собрание махараджей, набобов и представителей индийской интеллектуальной элиты.

Не только в монаршем признании личных заслуг Александра Каннингема перед короной был главный смысл ожидаемого события. За этим крылось значительно большее, нежели лишь дарование приставки «сэр» к его имени. Посвящение Каннингема в рыцарское достоинство было наградой за поразительные открытия древнейших, давно забытых индийских городов и буддийских святынь. Подвижническими усилиями Каннингема и его соратников был раскопан и воочию предстал перед людьми мир эпохи Гаутамы Будды, поразительный в своей материальной мощи и духовном величии.

В результате многолетних и кропотливых археологических изысканий (которые не прерываются по сей день) восстанавливался один из переломных периодов в истории Древней Индии, ознаменованный грандиозными переменами в этой стране и приобщением ее народов к мировой цивилизации, которую представлял при жизни Гаутамы Будды мир эллинистической культуры.

Отрывок из книги А. Сенкевича «Будда» (серия «Жизнь замечательных людей»).

Александр Каннингем описал храм в Бодхгайе (месте, где Гаутама Будда достиг Просветления) и приступил к его реставрации; он раскопал ступу (буддийское культовое сооружение) в Сарнатхе, где Первоучитель выступил с первой проповедью, а также остатки ступы и храма в Кушинагаре, городе, где был кремирован Будда. Место погребального костра позднее уточнил помощник Александра Каннингема — Арчибальд Картайл. Позднее там же была выкопана монолитная статуя Будды из красного песчаника.

Археологические находки подтвердили основные вехи жизни Гаутамы Будды, обозначенные в старых буддийских текстах, и послужили вескими доказательствами его исторического бытия. К этим открытиям добавим обнаруженные Александром Каннингемом следы Таксилы, или Такшаилы, столицы древнего народа, известного как гандхары. В этом городе существовал университет, в котором преподавали греческий язык и философию. Царь гандхаров по имени Поккусати, согласно буддийским преданиям, был другом царя Магадхи Бимбисары, преданного почитателя Первоучителя. Согласно преданию, Поккусати по настоянию Бимбисары познакомился с Гаутамой Буддой, с его учением и вошел в его общину. В той же общине находился *Дживака*, придворный врач Поккусати, а затем Гаутамы Будды, получивший образование в университете в Такшиле.

Новая система ценностей, в которой человек становился мерой всех вещей, заставляла отходить от прежних верований.

Гаутама Будда рассеял марево мнимой тайны в самом себе и поделился своим опытом с окружающими. Далекое не всему человечеству, как свидетельствуют последующие тысячелетия истории, его опыт избавления от «помрачений» сознания оказался по силам. Однако согласно энциклопедии «Британика», на 2011 год в современном мире насчитывается 780 миллионов буддистов. Другое дело, что опыт Первоучителя используется в каждой стране по-своему, в соответствии с ее национальными духовными традициями. Может быть, в этом состоит живучесть и неослабная сила буддийской мысли.

В том, что откровения пророков иногда толкуют по собственному разумению, нет ничего неожиданного. Однако при вольном обращении с духовными учениями существует одна опасность, которая в применении к буддизму совершенно невозможна и противоречит его сущности. Даже при сильном желании не получится «перена-

править» мысли Первоучителя в сторону умственного оскудения и принижения человека как такового.

Возвысить человека над его тварной и рабской природой — не об этом ли пеклись все пророки человечества? Вместе с тем, они не разделяли ответственности за результаты своей проповеднической деятельности, а последнее решение всегда оставляли за Богом. В отличие от них, Гаутама Будда не объявлял себя ни пророком, ни его посланцем и к тому же целиком отрицал идею Бога как Высшего Существа. Человек, как замечает Генри В. Миллер, все еще «...упорно отказывается принять условия своей суверенности. Отказываясь от самопроявления, человек способствует смерти Бога и доводит мир до крайней бессмысленности, в которой он сам живет». Суверенность и самопроявление последователей учения Гаутамы Будды если чем-то и сдерживаются, то только нравственными постулатами! В остальном же масштабность буддийского учения не препятствует движению свободной мысли, ее обогащению новыми гуманистическими идеями и смыслами. Не случайно ведь буддизм отличается от других религий разнообразием форм и трактовок. Долгое время на Западе Гаутама Будда и его учение воспринимались с любопытством, растерянностью и недоумением. Словно неизвестный экзотический плод. И попробовать хочется, и одновременно думаешь: не отравишься ли?

Александр Каннингем и несколько его друзей, в основном чиновники британской администрации в Индии, одними из первых разглядели в Гаутаме Будде выдающуюся историческую фигуру. Они подтвердили своими археологическими открытиями, что он на самом деле существовал и внешне ничем не выделялся среди других людей. Вместе с тем, в историю человечества Гаутама Будда вошел как явление космического масштаба. Каннингем и его друзья смогли понять истоки этого явления, обратив внимание на фундаментальное отличие Будды от тех божеств, которым поклонялись индийцы, — Он и его наставления не имели ничего общего с культом Вишну, Шивы, Шакти. В его учении не было даже намека на призывы к насилию как основному средству решения спорных проблем. В мире его идей мысль о мести попросту отсутствовала. По чувству человеколюбия Гаутама Будда был сравним с Иисусом Христом.

Вот почему дарование рыцарского звания Александру Каннинге-му воспринималось не только как признание научных заслуг

основоположника индийской археологии, но и как поддержка его интереса к буддизму и его создателю. Наконец-то властью был услышан деликатный призыв Александра Каннингема и его соратников о необходимости возрождения в Индии буддизма, в свое время занимавшего в ней господствующее положение, а затем практически полностью исчезнувшего.

У образованной британской публики появилась новая тема для обстоятельных разговоров и суждений на тему открытий Александра Каннингема и его последователей — священные буддийские тексты появились в переводах на английский и другие европейские языки. Индийский буддизм предстал в глазах британцев в качестве веры, достойной уважения и внимания, а некоторые его постулаты были созвучны протестантскому учению.

Перевернем страницы истории еще на несколько десятков лет назад и заглянем в Англию и Индию 30–60-х годов XIX века. В то время Британская империя была самой крупной в мире и контролировала четвертую часть мировой суши — свыше 34 миллионов квадратных километров на всех обитаемых материках и еще огромные водные пространства. Процесс планомерного захвата британцами чужих территорий занял 400 лет.

Как замечает культуролог Светлана Владимировна Лурье, в Британской империи в период ее формирования «тесно закрепляется связь протестантской веры с Англией как с суверенным политическим союзом и как с империей». К тому же «все более укореняется мысль о богоизбранности английского народа», что проявляется в бесконечных дискуссиях о необходимости обращения язычников в протестантизм.

Страна, народ, сообщество, империя, нация — все эти понятия для англичанина были взаимосвязаны. Так, понятие «нация» тесно связывалось с понятием «империя», а также с понятием «представительское управление», то есть управление исключительно англичанами, составляющими элиту империи. Некоторые из понятий, такие, например, как страна, народ и нация оказались синонимичными. Недаром, как обращает внимание С. В. Лурье, «...в 1559 году будущий епископ Лондонский Д. Эймер провозгласил, что Бог — англичанин».

И еще о некоторых чертах психологии англичан стоит сказать. Национализм для них был не этнической категорией, а религиозным

мироощущением и мировоззрением, в основе которых лежали идеи самоуправления и протестантизма. Английский историк Л. Райт откровенно говорит о миссионерских амбициях англиканского духовенства, которое «грезило созданием обширной Протестантской империи».

Чтобы познакомить британцев с тем, чем живут и дышат туземные народы на Востоке (персы, индийцы, китайцы), в Оксфорде под редакцией выдающегося немецкого и английского филолога Макса Мюллера (1823–1900) начали с 1879 года издавать многотомную монументальную серию «Священные книги Востока». Среди сорока девяти томов (последний, пятидесятый, том, вышедший в 1910 году, представляет собой общий именной и предметный указатель) индийская мудрость занимает тридцать три тома. Из них учение Будды в разных его толкованиях представлено в восьми томах. Среди переводчиков буддийских памятников были выдающиеся европейские востоковеды того времени — Макс Мюллер, Вигго Фаусбелль, Т. У. Рис-Дэвидс, Герман Ольденберг.

Надо сказать, что британские служащие Ост-Индской компании (гражданские и военные) относились к Индии и ее народам покровительственно и с нескрываемым пренебрежением. За все время их владычества погибло тридцать миллионов индийцев, большей частью из-за голодомора.

Наглый грабеж экономически поработанной страны принял гигантские размеры. Насаждаемый протестантизм воспринимался индусами и мусульманами как грубое и бесстыдное посягательство на их верования. У индийцев копились обиды на британцев, а британцы постоянно ужесточали свои требования к индийцам. И это несмотря на то, что у части британцев появлялись дети от индийских женщин. В Индии возникла еще одна смешанная этническая группа — англо-индийцы, — занявшая низкое место в кастовой иерархии. Индийцы испытывали к ним презрение, как к пособникам колонизаторов и предателям. Англичане также не считали их равными себе и уж точно не относили к числу своих соотечественников. Более того, почему-то видели в них наибольшую угрозу для существования Британской империи.

Неожиданно грянула буря — восстание сипаев 1857–1859 годов.

Умная и просвещенная королева Виктория осуждала зверства с обеих сторон и никого не оправдывала. Более того, она обратилась

к лорду Чарльзу Джону Каннингу, тогда еще генерал-губернатору, с просьбой не превращать наведение порядка в Индии в кровавую бойню и уничтожение индийского народа.

Британские солдаты и офицеры не щадили ни стариков, ни женщин, ни детей. Была изобретена такая форма убийства мятежников, как привязывание их к жерлам пушек и разрывание выстрелом на части. В России подобные новости из Индии приводили публику в шок. Художник Василий Верещагин даже написал картину «Расстрел сипаев пушками в ходе подавления восстания в Индии», которую впоследствии выкупили англичане и уничтожили.

Наряду с этим западный мир потрясли убийства сипаями-индусами женщин и детей британских офицеров и чиновников на глазах их мужей и отцов. Эти расправы отличались особой злобой, изощренным садизмом и средневековыми методами казни. В те времена на подобную свирепую месть сипаев-индусов вдохновлял культ *Шакти*, жены бога Шивы. Примером для подражания становились два ее воплощения, две богини-мстительницы — десятирукая, сопровождаемой львом *Дурга*, и четырехрукая, трехглазая темно-синяя Кали с поясом из человеческих рук и украшенная своеобразным ожерельем — гирляндой из черепов. Все их устрашающие отмищения и по сей день изображаются на внутренних стенах шиваитских храмов.

По преданию, злобный демон *Махиша* захватил власть над миром, и только мрачная богиня Кали с выпавшим из гортани красным от крови языком убила злодея, отрубив ему голову, и сокрушила его прежде непобедимое воинство. Кали не могла остановиться в кровавом безумстве и в бешеном танце крушила и умерщвляла всё и вся вокруг. Боги поняли, что в своем триумфальном танце победы над злом она уничтожит весь мир, и тогда они обратились к Шиве, чтобы он унял свою крутящуюся в вихре возмездия супругу. Шива решил воззвать к материнскому инстинкту богини Кали и превратился в плачущего младенца, лежащего на поле брани среди убитых демонов. Материнские чувства в ней возобладали, и она, взяв ребенка на руки, принялась его успокаивать. Так индийцы освободились от демона Махиши и принялись «перевоспитывать» его оставшихся в живых прислужников в духе добра. Вот такая история с душещипательным концом появилась в древнеиндийской мифологии.

Британская Ост-Индская компания, осуществлявшая управление Индией и контроль над ее различными частями через институт генерал-губернаторства, была ликвидирована законодательным актом, принятым 2 августа 1858 года английским парламентом. Государственная власть перешла непосредственно к британской короне. Индия была объявлена частью Британской империи.

Вслед за этим решением произошли кадровые перестановки среди высших чиновников колониальной администрации. Среди тех, кто принимает решения, оказались люди, обладавшие острым умом и деловой хваткой. Реформа управления, проводимая представителями короны, должна была снизить психологическую напряженность между британцами и индийцами и переключить внимание с кошмарных событий Сипайского восстания на что-то позитивное и общечеловеческое. Перемены также затронули экономику, политику, судопроизводство и образование. Началось масштабное строительство железных дорог, перекраивалась по английскому образцу судебная система, в трех крупнейших индийских городах — Калькутте, Бомбее и Мадрасе — были открыты университеты.

После всего предпринятого британцами в Индии они самонадеянно решили, что у индийцев уже нет недостатка в свободе. Некоторые из них даже считали, что благодетельствовали неблагодарных туземцев сверх всякой меры.

Вернемся к Александру Каннингему, британскому офицеру, который во время Сипайского восстания не был в Индии, он служил в Бирме. Человек, дерзнувший посвятить свою жизнь воскрешению человеческого образа Гаутамы Будды, имел шотландские корни. Родился Александр Каннингем 23 января 1814 года в семье писателя Аллана Каннингема (1784–1842). Каннингема относятся к древнейшему шотландскому роду; среди его выходцев были знатные вельможи и простые воины, прославившиеся в сражениях, священники, оставившие свой след в религиозном движении Реформации, мореплаватели, ремесленники, купцы. И, конечно же, род Каннингемов не мог не дать тех, кого именуют поэтами.

Отец Аллана Каннингема, Джон Каннингем, был управляющим в имении некоего шотландского аристократа. Он женился на Елизабет Харлей, дочери купца из городка Дамфрис, расположенного

на юго-западе Шотландии. Она родила пятерых сыновей (один из них умер в младенчестве) и четырех дочерей. От матери дети получили острый ум, поэтическую натуру и чувствительную душу. Аллан, как и его братья, путешествуя по деревушкам, записывал старые шотландские баллады. Собранные баллады, включая сочиненное им самим, он предложил для издания Роберту Хартли Кромеку (1770–1812), английскому граверу, редактору, торговцу произведениями искусства и удачливому дельцу. Книга вышла в свет в 1809 году под названием «Литературное наследие. Песня о событиях в Ницдейле и Геллоувее». Кромек, разумеется, понял, где оригинальные старые тексты, а где новые, только что написанные, но решил поддержать еще неискушенного автора и сделал вид, что не разобрал подделку.

Дружеское участие шотландского поэта Джеймса Хогга (1770–1835), друга семьи Аллана Каннингема, а также выход этой книги позволили молодому поэту сблизиться со всемирно известным шотландским писателем Вальтером Скоттом (1771–1832).

Аллан Каннингем с детства знал Джеймса Хогга, автора популярного готического романа «Исповедь оправданного грешника», собирателя шотландских народных песен и баллад, получившего в Шотландии ласковое прозвище «Этрикский пастух», по названию местности, где он родился. У этого неутомимого говоруна и эрудита был широкий круг знакомств. С кем только из знаменитостей он не встречался. Из гениев назову Джорджа Гордона Байрона (1788–1824), Роберта Саути (1774–1843), Уильяма Вордсворта (1770–1850). В то время ходить в гости друг к другу и знакомить старых приятелей с новыми считалось хорошим тоном. Писатели первой половины XIX века зарабатывали достаточно прилично, так что денег на жизнь им хватало, даже оставалось кое-что на гостеприимство.

Отец Аллана познакомился с Джеймсом Хоггом через великого шотландского поэта Роберта Бёрнса (1759–1796), который был их соседом и любил посидеть в дружеской компании.

В Лондоне, куда Аллан Каннингем переехал в 1810 году, он работал парламентским репортером, что не мешало ему одновременно сотрудничать с несколькими лондонскими журналами.

Настоящее счастье отец Александра Каннингема нашел в семейной жизни, женившись 1 июля 1811 года на девице Джин Уолкер (1791–1864), которая была служанкой в доме, где он остановился

в Лондоне. Она родила ему пятерых сыновей и одну дочь и пережила своего мужа на 22 года. Хочется отдать дань уважения матери Александра Каннингема. По дому она делала все сама: убирала, стирала, стряпала, шила, занималась детьми. В муже и детях был смысл ее жизни. В характере ее существовал дар ненавязчивого учительства. Так, она искренне считала пребывание в обществе безнравственных людей верхом неприличия. Рассказывая детям на ночь сказки, Джин Уолкер представляла безнравственность в образе адского гонимого пса из шотландских легенд по кличке Ку Ши. Это было страшное чудовище с зеленой шерстью и заплетенным в косичку кольцеобразным хвостом. Надо ли говорить, что подобные монстры запоминаются на всю жизнь и укрепляют в человеке волю к сопротивлению злу. Мать была верующей женщиной и понимала, что греховные мысли подвигают людей на поступки, расплата за которые ужасна.

Литературная карьера Аллана Каннингема складывалась наилучшим образом. Он писал одну книгу за другой. Многие его песни, особенно о приключениях на море, распевали в народе. Гонорары за вышедшие книги существенно дополняли его заработки журналиста и администратора. И все-таки получаемых денег на всю семью катастрофически не хватало. Приходилось уповать на божью милость и на содействие друзей, особенно когда речь заходила о получении детьми качественного образования.

В 1814 году Аллан Каннингема стал секретарем и доверенным лицом известного скульптора Френсиса Легата Чантри и оставался в этой роли до его смерти в 1841 году. На следующий год Аллан Каннингема и сам уйдет из жизни. К тому времени все его дети определятся с выбором своего пути, а позже некоторые из них займут в британском обществе высокое положение.

Из пятерых сыновей Аллана Каннингема трое, имея востребованные по тем временам профессии, занимались, как и отец, писательским трудом. Это Джозеф, Питер и Фрэнсис. Двое из них, Джозеф и Фрэнсис, служили в Индии и оставили там о себе добрую память.

Старший сын Аллана Каннингема Джозеф и родившийся через два года после него Александр сначала учились в благотворительной лондонской школе «Больница Христа», также названной «Школой солдата» — она была основана Эдуардом VI на Ньюгейт-

стрит в 1552 году как больница подкидышей с целью воспитания и обучения оставшихся без родительской опеки детей. В XIX веке эта школа давала основательное бесплатное образование за счет благотворительных организаций. По окончании этой школы братья, благодаря протекции Вальтера Скотта, были приняты курсантами в военную семинарию Ост-Индской компании в Аддискомбе, графство Суррей.

Эта школа подготавливала и предоставляла высококвалифицированных офицеров вооруженным силам Ост-Индской компании, которые по численности превосходили королевские войска. В ней кадетов обучали, помимо военных, инженерным, строительным и другим вполне гражданским специальностям. Молодым людям преподавали механику, математику, язык хиндустани. Эту семинарию Джозеф и Александр окончили в 1831 году, Джозеф — с отличием в связи с выдающимися познаниями в математике. Он был объявлен первым по достигнутым успехам из всех выпускников своего года. Для продолжения образования они затем были отправлены в Четем, в Королевскую школу военных инженеров.

В 1833 году девятнадцатилетний Александр Каннингем отбыл для прохождения военной службы в Бенгалию. Началась его индийская эпопея.

С начала 1840-х годов молодой британский офицер жил желанием раскрыть несколько тайн: существовал ли в действительности Гаутама Будда, как появилось его учение и почему оно практически исчезло из духовной жизни современной Индии? Задача, которую он перед собой поставил, была не из легких. Но Александр Каннингем, помимо всех остальных замечательных своих качеств, привитых матерью, обладал доброжелательным отношением к людям, осмотрительностью и умением при разрешении спорных вопросов обращаться к здравому смыслу.

Александр Каннингем, путешествуя по не особо тогда еще разветвленной железной дороге Индии, обратил внимание на то, что на равнинах Пенджаба, в тех местах, где большинство населения составляли сикхи, особенно часто встречалась вспученная некими таинственными «пузырями» земля. Индийцы привыкли к земляным холмам, из которых иногда торчали обломки каменных сооружений. Конечно, и в те времена существовали «черные копатели», о чем

свидетельствует древняя ступа в Маникиале, находящаяся приблизительно в пятидесяти километрах от нынешнего Исламабада. О проникновении в нее грабителей задолго до XIX века говорила зияющая дыра выдолбленного в камне хода.

Восторженность Александра Каннингема и увлеченность его археологией имела под собой реальную почву и подтверждалась сенсационными находками Жан-Батиста Вентуры (1794–1858), французского генерала, находящегося на службе у Раджита Сингха, правителя сикхов. У людей пришлых, таких, как, например, генерал Вентура, эти каменно-земляные насыпи вызвали любопытство. Ему ничего не стоило получить у Раджита Сингха разрешение на раскопки. Результаты были ошеломительными. Уже из первых раскопанных холмов извлекли большое количество золотых и серебряных монет греко-бактрийского и индо-скифского царств, а также романские монеты. Примеру Жан-Батиста Вентуры незамедлительно последовали предприимчивые британцы — и монеты посыпались в собрания западных коллекционеров, как из рога изобилия. Индия предоставляла большие возможности для любителей-археологов. Во времена владычества мусульман буддийские культовые сооружения, храмы и ступы были практически стерты с лица земли. В большом небрежении находились также индусские культовые постройки.

В разгар «монетной лихорадки» на индийском небосклоне появляется новый персонаж — Джеймс Принсеп (1799–1840), историк, знаток древнеиндийских языков санскрита и пали, антиквар и нумизмат, консультант Калькутского Монетного двора. Он жил в постоянном движении, словно играючи занимаясь то одним делом, то другим. А между тем результаты его труда всегда оказывались основательными и впечатляющими. Так, в свободное от основной работы время Джеймс Принсеп, изучая индийскую эпиграфику и нумизматику, дешифровал эдикты императора Ашоки, написанные письмом *брахми*. Образцом письма *брахми* являются надписи на монетах второй половины IV века до н.э. В древнейшем образце письма *брахми* — направление письма справа налево, начиная с надписей Ашоки — наоборот.

Ради справедливости уточним, что частично эта письменность была дешифрована до него усилиями различных лингвистов. Бесспорно, впрочем, что ему первому удалось восстановить зна-

чение девятнадцати знаков письменности *кхароштки* и одной лигатуры, до него не дешифрованной. Письменность *кхароштки* известна по монетам индо-греческих, а также индо-скифских царей (III в. до н.э. — I в. н.э.) и по надписям царя Ашоки и других. Она локализована в Северо-Западной Индии и по времени относится к III в. до н.э. — III в. н.э., после чего была вытеснена широко распространившейся письменностью *брахми*.

Джеймс Принсеп был человеком неумной энергии — он провел реформу мер и весов, ввел единый стандарт чеканки монет и установил четкую систему проб. Помимо того, что он проявил себя как мастер пробирных дел высшего класса, он был еще талантливым рисовальщиком и архитектором. Вдобавок ко всему — специалистом по архитектурному планированию. По его проектам в Бенаресе появились Монетный двор и здание Англиканской церкви.

Он унаследовал должность консультанта Монетного двора, как и обязанности секретаря Королевского Азиатского Бенгальского общества, от своего учителя — известного английского индолога и санскритолога Гораса Гаймона Вильсона (1786–1860). При активном содействии Джеймса Принсепа журнал Общества превратился в серьезное научное издание. С помощью этого журнала он оповестил почти всю Индию (в данном случае ее преимущественно представляли чиновники колониальной администрации) о необходимости собрать в одном месте максимальное количество монет или их рисованных копий, а также сохранившиеся надписи или их фрагменты на мраморных и гранитных стелах. Эти археологические находки, как полагал Джеймс Принсеп, для историков, занимающихся Древней Индией, представляли бесценный материал. Он считал, археология была основным критерием истины для прояснения многих историографических вопросов.

Трудно представить, сколько посылок пришло по почте на его адрес. В Калькутту прибыл сам Жан-Батист Вентура, а перед его приездом был доставлен в качестве дара клад из ступы в Маникиале: осколок рубина, золотая монета правителя Кушанского царства Хувишки I, относящаяся приблизительно к 51–128 гг. н.э., золотое кольцо и горсть серебряных монет более позднего времени.

Джеймс Принсеп пытался превратить увлечение антиквариатом в серьезное занятие археологией. По правде сказать, и он, и Александр Каннингем не были профессиональными археологами, они

учились по ходу дела. Каннингем вскоре стал ближайшим помощником Принсепа, сопрягая, как и он, служебные обязанности с неслужебными археологическими изысканиями. Он продолжил дело Джеймса Принсепа после его смерти в Лондоне 22 апреля 1840 года.

За открытием Александром Каннингемом великой ступы в Сарнатхе последовало обнаружение им древнего индийского города Санкасья, или Санкисса, в сорока восьми километрах от города Саваттхи (нынешний город Сахет-Махет на берегах реки Рапти), столицы царства Косалы (Кошалы), самого западного места паломничества среди восьми буддийских святынь. Санкасья считается также одним из четырех неизменных священных мест, среди которых Бодхгая, Сарнатх, Сравасти. Для буддистов Санкасья важна тем, что, как говорится в предании, наступит срок и в этом месте все Будды снизойдут на землю, проведя перед этим в затворничестве на Небесах тридцати трех божеств время муссона и одарив там учением своих матерей в последнем их рождении. Санкасья, я полагаю, последняя и самая поздняя попытка последователей Гаутамы Будды соединить индуизм с учением Первоучителя.

В 1851 году Александр Каннингем открыл ступы в Санчи. Там он раскопал реликвии *Сарипутты* и *Махамоггаланы* — двух великих учеников Гаутамы Будды. В 1861 году он обратил внимание на находящийся в плохом состоянии храм Махабодхи, храм Великого Просветления, относящийся к I в. н. э — первой половине II в. н. э. Каннингем произвел его описание, провел тщательные раскопки и приступил к его реставрации. Это единственный храм из сохранившихся древних буддийских храмов, главное место паломничества для всех буддистов мира.

Современные специалисты понимают, что Александр Каннингем в археологическом деле оставался любителем. Вот что пишет, например, А. А. Барахаева: «В XIX веке археология еще только выработывала методику, и многие важные сегодня моменты были навсегда упущены. Огромный вклад А. Каннингема в реставрацию и исследование комплекса Махабодхи неоспорим, однако точность документации раскопок, к сожалению, оставляет желать лучшего. Раскапывая те или иные объекты, команда А. Каннингема, как правило, не фиксировала точного местонахождения скульптур и секций перил; не уделялось должного внимания и материалу».

Как бы то ни было, но Александр Каннингем собрал большое количество надписей и скульптур, используя самые простые методы для их обнаружения. Уже в этом его огромная заслуга перед мировой культурой.

Лорду Чарльзу Джону Каннингу, бывшему генерал-губернатору Индии, ставшему с 1858 года ее первым вице-королем, выпала нелегкая доля: ему пришлось сдерживать эмоции своих соотечественников, требующих еще больших казней и расправ в тех краях и княжествах, где народ и его правители поддержали восставших сипаев. Вице-король по мере своих сил и возможностей держал курс на мирное сосуществование британцев и индийцев, что ему давалось с трудом, в буквальном смысле ценой собственного здоровья. В Восточной Бенгалии, в Пенджабе, в Западной и Южной Индии после подавления Сипайского восстания ярость индийской толпы не утихала еще три десятилетия. Да и британцы тоже не скрывали своей агрессивности. Такое постоянное нервное перенапряжение стоило Чарльзу Джону Каннингу жизни — он скончался 17 июня 1862 года, не дожив пяти месяцев до пятидесяти лет.

Александр Каннингем незадолго до смерти вице-короля, в ноябре 1861 года, обратился к нему со служебной запиской, а точнее сказать, с Меморандумом, где он излагал свой грандиозный план по умиротворению индийцев — благородный по замыслу и абсолютно утопический по возможности исполнения. Не прямо, а косвенно в нем говорилось о возвращении миролюбивого учения Гаутамы Будды туда, где оно когда-то появилось, — в Индию, и предлагались поэтапные действия для достижения этой цели. Речь шла о том, что погребенный некогда индийский буддизм, который он обязательно раскопает, обретет новую жизнь и смягчит туземные нравы. Предполагалось, что после восстановления его на индийской земле в прежнем статусе государственной религии, британцам будет значительно легче проводить последующую христианизацию индийской территории Соединенного королевства. Надо признать, что уже имелся определенный успех подобной миссионерской деятельности в других британских колониях. Разумеется, христианизация осуществлялась в духе общей британской политики «представительского управления».

Прежде всего, в своем Меморандуме Александр Каннингем сетовал на пренебрежительное отношение колониального прави-

тельства ко всем индийским древностям. Британские чиновники смотрели на индийскую старину сверху вниз. Да и какие чувства могли возбудить в них бесформенные развалины, между камней которых ползали ядовитые змеи, а под уцелевшими каким-то чудом сводами прятались бродячие собаки. Индия для подавляющего большинства образованных высокопоставленных британских чиновников и офицеров долгое время оставалась огромным природным заповедником, в котором они вместе с махараджами охотились на тигров. Она представлялась им необозримым пространством руин и пепелищ. Но уж никак не казалась чем-то маняще таинственным, вроде Египта, окутанного тайной, с его Сфинксом, пирамидами и мумиями фараонов. Там было, что разглядывать и что разгадывать. Интерес к индийским артефактам в этих людях явно не пробудился. Все они занимались одним делом — расширением и укреплением Британской империи. Такое уж наступило время, когда новые хозяева заботились не о восстановлении чужого прошлого, не об уважении человеческих чувств и даже не о сохранении собственной жизни. Одни жульничали и мародерствовали, как только представлялся подходящий случай, другие же строили фантастические прожекты, а иногда впадали в соблазн сочинить что-то невероятное в духе небылиц нашей соотечественницы Елены Петровны Блаватской. Помыслы тех, кто попроще, сосредотачивались на желании чуточку разбогатеть на чужбине, чтобы вернуться на родину, сделав хоть какое-то состояние.

Разумеется, Александр Каннингем не входил в число таких людей — в его сознании романтические картины и образы представляли одухотворенную, «осуществленную» реальность и резко контрастировали с чуждой реальностью, которая существовала вне его воли.

Между тем, предложения Каннингема правительству с первого взгляда казались четкими и конкретными. Первым шагом значилась каталогизация всех сохранившихся в Северной Индии памятников старины, подавляющая часть которых превратилась в развалины. Речь в большинстве случаев шла об индусских храмах и ступах. Александр Каннингем еще от отца слышал: стоит обратиться к земле и она щедро раскроет свои сокровища. Надо ли говорить, что его завораживали сохранившиеся островки буддизма в Гималаях. Эти горы напоминали ему родную Шотландию. На высоте более

3000 метров над уровнем моря, среди снегов и диких горалов, собратьев козлов и баранов, сохранились средневековые буддийские монастыри с монахами-горцами.

В связи с сипайским восстанием и его последствиями план Александра Каннингема был незамедлительно принят, а он сам по распоряжению лорда Каннинга стал генеральным директором Археологического надзора, новой структуры при правительстве Индии. В соответствующем документе о его назначении указывалось, что «он больше, чем какой-нибудь другой офицер, сделал для изучения индийских древностей».

30 июня 1861 года, за несколько дней до вхождения в новую должность (на этот раз гражданскую), Александр Каннингем ушел с военной службы в отставку в звании генерал-майора.

Археологи того времени не имели под рукой и четверти тех технических средств, которыми обладают сегодня их коллеги. Тачка, кирка и лопата — вот и все предоставленные им тогда незамысловатые орудия труда, необходимые для кропотливой работы по восстановлению далекого прошлого.

Полевые изыскания Александра Каннингема осложнялись еще и тем обстоятельством, что ему приходилось добираться со своим археологическим скарбом до мест раскопок чаще всего либо пешком, либо используя гужевой транспорт — лошадей и слонов. Брезентовые палатки, сменная одежда, сита для просеивания земли и все остальное укладывалось в широкие громоздкие телеги, которые тащили волы или верблюды — в зависимости от особенностей местности, куда он отправлялся со своим малочисленным отрядом.

Представьте Александра Каннингема в индийской пустыне в июне под раскаленным солнцем, в опасной близости от бандитов всех мастей и диких животных, и станет ясно, что открывать дверь в прошлое, какие бы сенсационные открытия оно ни сулило, — адский труд. Начальник доморощенных археологов был щедрым человеком. Деньгами Каннингем не бросался, но за найденную надпись на каком-нибудь выкопанном булыжнике выдавал крестьянам-землекопам такую значительную денежную премию, что те от благодарственного восторга совершали *пранам* — благоговейно склонялись перед ним в глубоком поклоне, касаясь кончиками пальцев его лодыжки.

Александр Каннингем научился владеть собой и быть чрезвычайно терпеливым в общении с индийцами. После Сипайского восстания приходилось соблюдать особую осторожность во всем, что затрагивало чувство веры. А недоброжелательность индусских деревенских жрецов-пуджари? С ними еще можно было найти общий язык в обсуждении тонкостей храмового ритуала, но они каменели при просьбе дать разрешение на зарисовку барельефа, скульптуры или надписи внутри храма. Скульптуры, которые служили им сейчас или служили в прошлом объектами поклонения, брались под особо строгую защиту, ревностно охранялись от чужого глаза. Они скорее бы умерли, чем предали своих богов.

Помимо тигров, бандитов и стихийных бедствий, вроде землетрясений, снежных лавин и селевых потоков, существовала еще угроза подхватить проказу или заразиться тропической лихорадкой денге, сопровождаемой болями в животе, рвотой с кровью, кровоизлияниями на коже и другими ужасами.

На первых порах Александр Каннингем при выборе мест для раскопок полагался исключительно на собственную интуицию и на рассказы местных жителей. После появления в переводе на французский и английский языки путевых записок двух буддистских паломников из Китая — Фа Сяня (334[7]–420[2] гг. н.э.) и Сюань Цзяня (602–664 гг. н.э.), его раскопки обрели осмысленный и целенаправленный характер. Пути двух любознательных и бесстрашных китайцев пролегли по странам, находящимся к западу от Китая.

Записки Фа Сяня, небольшие по объему, называются *Фо го цзи* (*Записки о буддийских странах*). Пятнадцатилетнее путешествие Фа Сяня, начавшееся в 399 г. и закончившееся в 414 г., было вызвано не его непоседливой натурой, а желанием посетить святыне буддизма, приобрести буддийские рукописи и узнать как можно больше о буддийском учении. Та же самая цель была и у Сюань Цзяня.

Первые переводы на европейские языки «Записок о буддийских странах» Фа Сяня были сделаны французским синологом, одним из основоположников западного китаеведения Жан-Пьером Абель-Ремузой (1788–1832) и вышли уже после его смерти, в 1836 году. Английский перевод, появившийся в 1869 году, сделанный непосредственно с китайского языка, принадлежал востоковеду Самуэлю Билу (1825–1889).

Да Тан си юй цзи (Записки о западных странах [эпохи] Великой Тан) Сюань Цзянь отражают его путешествие в Индию, совершенное в 629–645 гг. Западом для китайцев в ту пору считались все страны, лежащие к западу от Китая, в том числе и Индия.

Полный перевод с китайского языка на французский записок Сюань Цзянь впервые вышел в Париже в 1857–1858 годах и принадлежал выдающемуся французскому востоковеду Станисласу Эньяну Жюльену (1799–1873).

В 1836 году некоторые извлечения из записок Сюань Цзянь во французском переводе (далеко не полный их текст!) дошли до Англии и вскоре оказались в руках Александра Каннингема. Ознакомившись с ними, он понял, что потерял много времени, двигаясь в своих поисках наугад.

В 1836 году Каннингем завершил раскопки ступы в Сарнатхе, месте первой проповеди Гаутамы Будды. Дальнейшие находки его любительского археологического отряда, благодаря запискам китайских паломников, стали вполне предсказуемыми.

В путевых записках Фа Сяня и особенно Сюань Цзянь сохранились сведения о городах и селениях, в которых протекала жизнь Гаутамы Будды и его общины, а также об их месторасположении. Теперь направление археологических поисков Александра Каннингема определялось письменными свидетельствами людей, заставших время, когда земля еще окончательно не поглотила руины процветавших когда-то городов древности. Он решил идти по следам этих двух китайских паломников, главным образом — Сюань Цзяня, полагаясь на зоркость их зрения, наблюдательность и честность в описании всего, что встречалось ими на долгом пути. И надо сказать, Каннингем не ошибся в своей стратегии поиска новых объектов для археологических раскопок.

В Лондоне, в Букингемском дворце лейб-гвардейцы из дворцовой стражи выстраиваются у трона. Еще несколько мгновений — и появляется королева. Начинается ритуал посвящения в рыцари и награждение орденами. Ее величество прикрепляет Александру Каннингему орден Индийской империи степени рыцарь-командор. Это десятиконечная серебряная звезда, в центре которой — изображение Виктории, окруженное темно-синим кольцом с девизом,

увенчанным короной. Девиз ордена — латинская фраза «Auspiciis Imperatricis»: «Под покровительством императрицы».

До 23 ноября 1893 года, его последнего дня, Александру Каннингему оставалось пять лет и восемь месяцев. Он скончается в собственном особняке, расположенном в престижном районе Лондона — Южном Кенсингтоне, великолепном оазисе викторианской эпохи.

Александр Каннингем оставил после себя многочисленные сочинения: тринадцать томов археологических отчетов, первый том «Корпуса индийских надписей», куда вошли эдикты императора Ашоки, исследования «Ступа Бхархута» и «Книга индийских эр». Последней его работой стала книга «Махабодхи, или великий буддийский храм под деревом бодхи в Бодх-Гайе», вышедшая за год до его смерти. Собранная им внушительная коллекция золотых и серебряных монет, буддистских скульптур и драгоценностей свидетельствует об упорядоченности его жизни. (Британский музей купил эту коллекцию у его наследников в 1894 году). Именно с Александра Каннингема началось масштабное и планомерное исследование буддистских артефактов, обнаруженных в результате археологических раскопок в Индии. Не будь Каннингема, ученые, ослепленные и оглушенные преданиями о Гаутаме Будде, до сих пор не увидели бы живого лица Первоучителя.

И еще одно великое событие связано с Каннингемом. Им были опубликованы первые данные о высококультурном мире глубочайшей древности, который чуть-чуть приоткрылся исследователям, — мире Хараппской или Индской цивилизации. Время ее существования занимает период между 3300–1300 гг. до н.э. Ее расцвет приходится предположительно на 2600–1900 гг. до н.э. Этот мир занимал более чем полтора миллиона квадратных километров и простирался от Аравийского моря до Ганга. На этой территории сейчас находятся Индия, Пакистан и Афганистан.

Александр Каннингем был справедлив в отношении прошлого индийцев. Уже по первым находкам он начал понимать, с какой высокоразвитой древнейшей цивилизацией имеет дело. Нам теперь доподлинно известно, что эти люди строили крепости и просторные дома из сырцового и обожженного кирпича, одомашнили лошадей, придумали телегу с четырьмя колесами. При археологических

раскопках были найдены первые в мире унитазаы и сложные каменные весы. У жителей этого удивительного мира существовало развитое сельское хозяйство, они выращивали пшеницу, ячмень, просо, возделывали хлопчатник. В качестве тягловых животных использовали быков и буйволов. Обнаруженные при раскопках женские украшения из бронзы, серебра и золота, а также небольшого размера культовые статуэтки и прямоугольные каменные печати (найденно более двух тысяч образцов, принадлежавших разным владельцам) свидетельствуют о ювелирном искусстве высочайшего уровня и развитых художественных ремеслах. Владели они и письменностью, до сих пор не расшифрованной. Не было там только одного — армии, способной отразить вражеское нападение.

А не являлся ли этот когда-то существовавший и внезапно исчезнувший мир местом рождения многих феноменальных идей, среди которых — возможность жизни без насилия? Ведь некоторые ученые, основываясь на результатах раскопок, полагают, что население этой почти неизвестной древней страны составляло пять миллионов человек.

Иоганн Людвиг Шлиман (1822–1890), такой же, как Александр Каннингем, археолог-самоучка, ставший, как и он, одним из основателей полевой археологии, давно признан гением. Находки Шлимана на месте Трои, особенно так называемый «Клад Приама», вписали его имя в историю человечества.

Александр Каннингем и его британские соотечественники первыми начали откапывание *невывымышленной* Индии. Его коллеги в профессиональном отношении были даже грамотнее своего начальника. Например, доктор Джеймс Бёрджесс (1832–1916), по профессии учитель математики, его преемник на посту генерального директора Археологического надзора Индии и знакомый по Дамфрису (город на юге Шотландии, где родился Роберт Бернс и где часто бывал Александр Каннингем. — А. С.). Отчеты Джеймса Бёрджесса отличались археологической грамотностью и сопровождались фотографиями раскопок. Находясь с 1872 года во главе Археологического управления Западной Индии, а с 1881 — Южной Индии, как археолог он раскопал и описал значительно больше раритетов, чем Александр Каннингем. К тому же это был бессребреник, влюбленный в археологию, издававший с 1872 года

на личные средства журнал «Индийский Антикварий», а в конце 1880-х годов вместе со своими единомышленниками развернувший деятельность по подготовке нового академического издания — «Epigraphia Indica». Первый том этого фундаментального труда вышел в 1892 году.

Однако в личности доктора Джеймса Бёрджесса, достойного всяческих похвал человека, не было и намека на ту особость, о которой как-то высказалась весьма мудрая женщина, американская писательница Гертруда Стайн. По ее представлениям, гений — это самодостаточный человек. Он видит обособленно и совершенно естественно нечто такое, чего не видят другие — те самонадеянные люди, которых подавляющее большинство, чьи взгляды на мир формируют вульгарная повседневность и сомнительные авторитеты.

А у Александра Каннигема, создателя археологической службы в Индии, эта особость, данная лишь гениям, без всякого сомнения, была.

